

• большая детская библиотека •

ЮРИЙ КОВАЛЬ

Недопёсок

Повести

Большая детская библиотека

Юрий Коваль

Недопесок

«Издательство АСТ»

1974, 1978, 1971

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

Коваль Ю. И.

Недопесок / Ю. И. Коваль — «Издательство АСТ»,
1974,1978,1971 — (Большая детская библиотека)

ISBN 978-5-17-137205-7

В книгу Юрия Коваля «Недопёсок» вошли три повести: «Недопёсок», «Шамайка – королева кошек» и «Приключения Васи Куролесова». Тонкий юмор, умение чувствовать и передавать эмоции животных – главных героев двух первых повестей, весьма критическое отношение к человеку – «царю природы» делают произведения Ю.Коваля ценнейшими «учебниками» по воспитанию чувств не только для ребёнка, но и для взрослых. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-34-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-137205-7

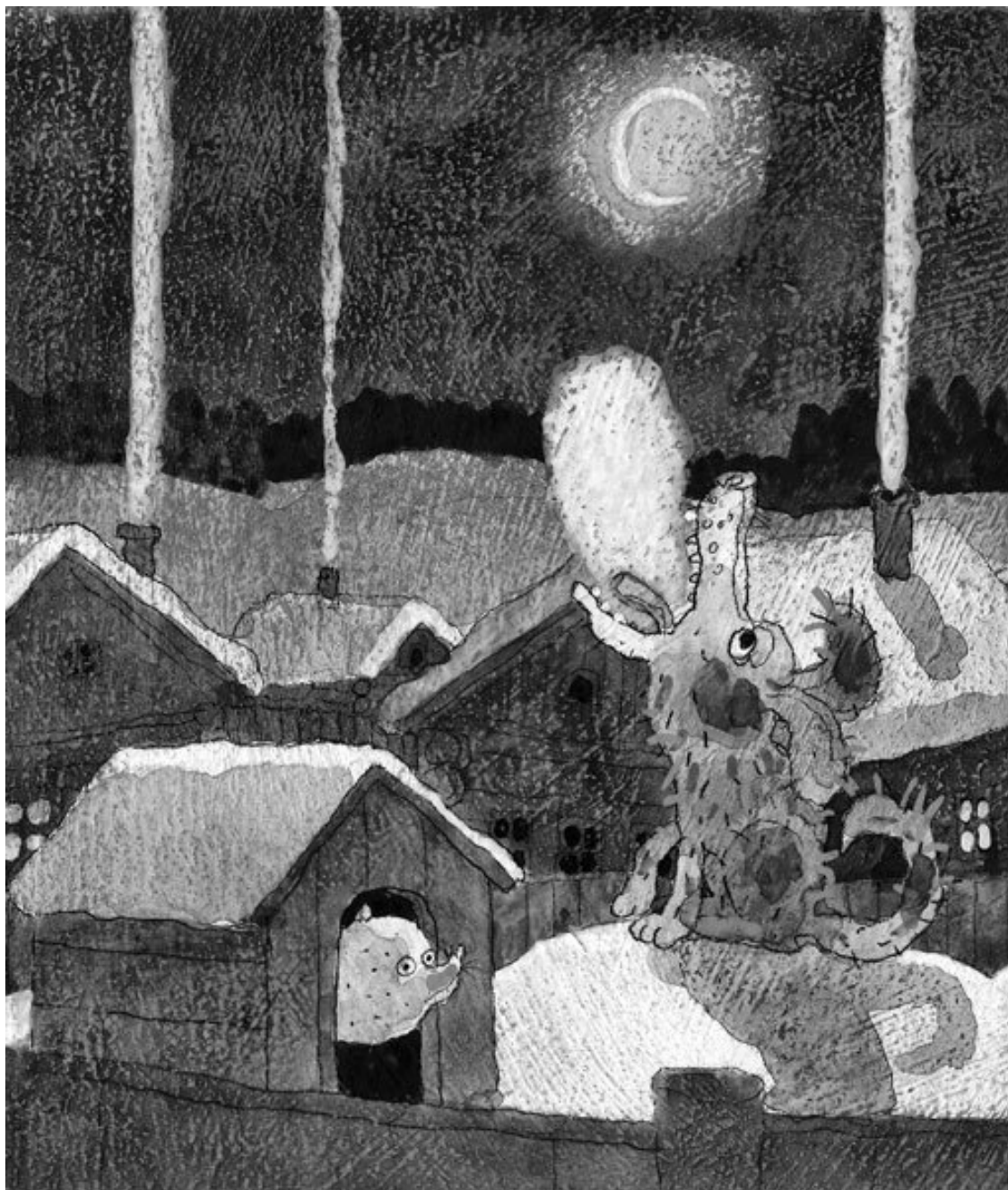
© Коваль Ю. И., 1974,1978,1971
© Издательство АСТ, 1974,1978,1971

Содержание

Недопёсок	6
Часть первая	6
Побег	6
Алюминиевый звон	6
Характер директора Некрасова	7
Давило	7
Снежное поле	8
В лесу	9
Кто стрелял?	10
Верея	11
Барсучья ночь	11
Маркиз	12
Сто шестнадцатый разрывается на части	13
Серая лиса	14
Колпаки и колёса	15
Бой с дворняжками	16
Хороший плотник Меринов	17
Пальма	18
Ночь в конуре	19
Большая Вера Меринова	20
Вчерашние щи	21
Полтабуретка	22
Часть вторая	24
Дошкольник Серпокрылов	24
На полюс	25
Колёса, которые видит старик Карасёв	26
На севере диком	28
Приключения на Северном полюсе	30
Бой у ковылкинской сосны	32
Сервелат	33
«Всё путём»	34
Бег на северный полюс	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юрий Коваль

Недопёсок. Повести

Недопёсок

Часть первая

Побег

Ранним утром второго ноября со зверофермы «Мшага» бежал недопёсок Наполеон Третий.

Он бежал не один, а с товарищем – голубым песцом за номером сто шестнадцать.

Вообще-то за песцами следили строго, и Прасковьюшка, которая их кормила, всякий раз нарочно проверяла, крепкие ли на клетках крючки. Но в то утро случилась неприятность: директор зверофермы Некрасов лишил Прасковьюшку премии, которая ожидалась к празднику.

– Ты прошлый месяц получала, – сказал Некрасов. – А теперь пускай другие.

– Ах вот как! – ответила Прасковьюшка и задохнулась. У неё от гнева даже язык онемел. – Себе-то небось премию выдал, – закричала Прасковьюшка, – хоть и прошлый месяц получал! Так пропади ты пропадом раз и навсегда!

Директор Некрасов пропадом, однако, не пропал. Он ушёл в кабинет и хлопнул дверью.

Рухнула премия. Вместе с нею рухнули предпраздничные планы. Душа Прасковьюшки окаменела. В жизни она видела теперь только два выхода: перейти на другую работу или кинуться в омут, чтоб директор знал, кому премию выдавать.

Равнодушно покормила она песцов, почистила клетки и в сердцах так хлопала дверками, что звери в клетках содрогались. Огорчённая до крайности, кляла Прасковьюшка свою судьбу, всё глубже уходила в обиды и переживания и наконец ушла так глубоко, что впала в какое-то бессознательное состояние и две клетки забыла запереть.

Подождав, когда она уйдёт в теплушку, Наполеон Третий выпрыгнул из клетки и рванул к забору, а за ним последовал изумлённый голубой песец за номером сто шестнадцать.

Алюминиевый звон

Песцы убегали со зверофермы очень редко, поэтому у Прасковьюшки и мысли такой в голове не было.

Прасковьюшка сидела в теплушке, в которой вдоль стены стояли совковые лопаты, и ругала директора, поминутно называя его Петькой.

– Другим-то премию выдал! – горячилась она. – А женщину с детьми без денег на праздники оставил!

– Где ж у тебя дети? – удивлялась Полинка, молодая работница, только из ремесленного.

– Как это где! – кричала Прасковьюшка. – У сестры – тройня!

До самого обеда Прасковьюшка честила директора. А другие работницы слушали её, пили чай и соглашались. Все они премию получили.

Но вот настало время обеда, и по звероферме разнёсся металлический звон. Это песцы стали «играть на тарелочках» – крутить свои миски-пойлушки.

Миски эти вделаны в решётку клетки так ловко, что одна половина торчит снаружи, а другая – внутри. Чтоб покормить зверя, клетку можно и не отпирать. Корм кладут в ту половину, что снаружи, а песец подкручивает миску лапой – и корм въезжает в клетку.

Перед обедом песцы начинают нетерпеливо крутить пойлушки – по всей звероферме разносится алюминиевый звон.

Услыхав звон, Прасковьюшка опомнилась и побежала кормить зверей. Скоро добралась она до клетки, где должен был сидеть недопёсок Наполеон Третий. Прасковьюшка заглянула внутрь, и глаза её окончательно померкли. Кормовая смесь вывалилась из таза на литые резиновые сапоги.

Характер директора Некрасова

Цепляясь кормовым тазом за Доску почёта, в кабинет директора вбежала Прасковьюшка. Она застыла на ковре посреди кабинета, прижала таз к груди, как рыцарский щит.

– Пётр Ерофеич! – крикнула она. – Наполеон сбежал!

Пётр Ерофеич Некрасов вздрогнул и уронил на пол папку с надписью: «Щенение».

– Куда?

Прасковьюшка дико молчала, выглядывая из-за таза.

Директор схватил трубку телефона, поднял над головой, как гантель, и так ляпнул ею по рогулькам аппарата, что несгораемый шкаф за его спиной сам собою раскрылся. Причём до этого он был заперт абсолютно железным ключом.

– Отвинтил лапкой крючок, – забормотала Прасковьюшка, – и сбежал, а с ним сто шестнадцатый, голубой двухлеток.

– Лапкой? – хрипло повторил директор.

– Коготком, – пугливо пояснила Прасковьюшка, прикрываясь тазом.

Директор Некрасов снял с головы шапку, махнул ею в воздухе, будто прощаясь с кем-то, и вдруг рывкнул:

– Вон отсюда!

Алюминиевый таз брякнулся на пол, заныл, застонал и выкатился из кабинета.

Про директора Некрасова недаром говорили, что он – горячий.

Давило

Горячий человек директор Некрасов был тощ и сухопар. Он ходил круглый год в пыжиковой шапке.

На своём посту Некрасов работал давно и хозяйство вёл образцово. Всех зверей знал наизусть, а самым ценным придумывал красивые имена: Казбек, Травиата, Академик Миллионщиков.

Недопёсок Наполеон Третий был важный зверь. И хоть не стал ещё настоящим песцом, а был щенком, недопёском, директор очень его уважал.

Мех Наполеона имел особенный цвет – не белый, не голубой, а такой, для которого и название подобрать трудно. Но звероводы всё-таки подобрали – платиновый.

Мех этот делился как бы на две части, и нижняя – подпушь – была облачного цвета, а сверху покрыли её тёмно-серые шерстинки – вуаль. В общем, получалось так: облако, а сверху – серая радуга. Только мордочка была у Наполеона тёмной, и прямо по носу рассекала её светлая полоса.

Всем на звероферме было ясно, что недопёсок перещеголяет даже Наполеона Первого, а директор мечтал вывести новую породу с невиданным прежде мехом – «некрасовскую».

Узнав о побеге, директор Некрасов и бригадир Филин кинулись к забору. Они мигом пролезли в дырку и сгоряча в полуботинках побежали по следу.

– Сколько раз я говорил – заделать дырку! – кричал на ходу директор.

– Так ведь, Пётр Ерофеич, – жаловался в спину ему Филин, – тёсу нету.

Очень скоро они начерпали в полуботинки снегу и вернулись на ферму. Переобулись. Прыгнули в «газик», помчались в деревню Ковылкино. Там жил охотник Фрол Ноздрачёв, у которого был гончий пёс по имени Давило.

Ноздрачёва дома они не застали.

– Откуда я знаю, где он! – раздражённо ответила жена. – Он мне не докладывает.

– Гони в магазин! – крикнул Некрасов шофёру.

Охотник Фрол Ноздрачёв действительно оказался в магазине. Он стоял у прилавка с двумя приятелями и смеялся.

– Товарищ Ноздрачёв! – строго сказал директор. – У нас трагедия. Сбежал Наполеон. Срочно берите вашего кобеля и выходите на след.

Охотник Фрол Ноздрачёв лениво поглядел на директора и повернулся к нему левым ухом. Охотник имел свой характер, и характер этот шептал Ноздрачёву, что трагедия директора пока что его не касается.

Характер Фрола Ноздрачёва любил сидеть в тёплом магазине с приятелями.

– Я человек занятой, – недовольно сказал Ноздрачёв, – поэтому интересно, что я за это буду иметь? Какие привилегии?

– Немалые, – ответил Некрасов.

Через полчаса русский гончий Давило – огромный широкоплечий пёс с печальными глазами – был поставлен на след у забора.

– Давай! Давай! – орал на него Ноздрачёв, которому посулили премию.

Давило обнюхал следы, и запах показался ему противным. Жёсткий, железный. Нехотя, без голоса, побежал Давило по следу.

Снежное поле

Пролезши сквозь дыру в заборе, песцы быстро побежали в поле, но уже через десяток шагов остановились. Их напугал снег, который был под ногами. Он мешал бежать и охлаждал пятки.

Это был второй снег нынешней зимы. На поле был он пока неглубок, но всё же доходил до брюха коротконогим песцам.

Точно так напугала бы песцов трава. Раньше им вообще не приходилось бегать по земле. Они родились в клетках и только глядели оттуда на землю – на снег и на траву.

Наполеон облизнул лапу – снег оказался сладким.

Совсем другой, не такой, как в клетке, был этот снег. Тот только сыпался и сыпался с неба, пушистыми комками собирался в ячейках железной сетки и пресным был на вкус.

На минутку выглянуло из облаков солнце. Под солнечным светом далеко по всему полю засверкал снег сероватой синевой и лежал спокойно, не шевелился.

И вдруг почудилось недопёску, что когда-то, давным-давно, точно так же стоял он среди сверкающего поля, облизывал лапы, а потом даже кувыркался, купался в снегу. Когда это было, он вспомнить не мог, но холодные искры, вспыхивающие под солнцем, вкус снега и свежий, бьющий в голову вольный его запах он помнил точно.

Наполеон лёг на бок и перекувырнулся, взбивая снежную пыль. Сразу пронизал его приятный холодок, шерсть встала дыбом.

В драгоценный мех набились снежинки, обмыли и подпушь, и вуаль, смыли остатки робости. Легко и весело стало недопёску, он бил по снегу хвостом, раскидывал его во все стороны, вспоминая, как делал это давным-давно.

Сто шестнадцатый кувыркаться не стал, наверно, потому, что не вспомнил ничего такого. Окунул было в снег морду – в нос набились морозные иголки. Сто шестнадцатый нервно зафыркал.

Наполеон отряхнулся, будто дворняжка, вылезая из пруда, огляделся и, наставивши нос свой точно на север, побежал вперёд, через поле, к лесу. Сто шестнадцатый поспешил за ним, стараясь повыше выпрыгивать из снега. У стога, который высился на опушке, Наполеон Третий остановился.

Снег был здесь изрыт. На нём отпечатались какие-то звёзды, от которых пахло приятно и враждебно. Это были лисьи и пёсьи следы.

Вдруг под снегом кто-то свистнул в тоненькую косточку.

Недопёсок прыгнул, прихлопнул снег лапой и вытащил наружу полевую мышь.

В лесу

Мышей у стога оказалось полно. Попискивая, шныряли они в перепревшем сене, и Наполеон гонялся за ними, хлопал по снегу лапами и хвостом.

Сто шестнадцатому тоже хотелось поохотиться на мышей, да больно уж непривычным было такое дело. Вдруг прямо из-под носа у него выскочила мышь. Сто шестнадцатый схватил её, проглотил и подпрыгнул от ужаса.

Перепуганные мыши спасались под стогом.

Наполеон раскопал в сене пещерку, засунул туда нос. От крепкого сенного запаха закружилась голова. Пахло сено душистыми июльскими грозами, ушедшим летом.

Мыши затаились, и песцы бросили охоту, побежали к опушке леса. Пересекли березняк, добрались до больших деревьев.

Это были старые ёлки.

На их макушках гроздьями висели зрелые медные шишки. У подножия, куда не навалило ещё снегу, ярко зеленел мох, а толстые стволы облеплены были серыми звёздами лишайника.

Морозной смолой пахли подошвы деревьев, стволы опасно уходили вверх, сплетались там ветвями и вливались в небо высоко над головой.

Вдруг сверху послышался тревожный и сильный стук. В красном грозовом шлеме на осине сидел чёрный дятел, долбил дупло. Заметив песцов, он крикнул пронзительно, расставил в воздухе бесшумные крылья, нырнул в еловый сумрак.

На крик его прилетела сорока.

«Страх-страх!» – сварливо закричала она.

Наполеон твякнул в ответ, угрожающе взмахнул когтистой лапой.

Но сороку это только раззадорило. С дерева на дерево перелетала она над песцами и кричала на весь лес: дескать, вот они, беглецы со зверофермы, лови их, держи!

Под крик сороки песцы выскочили на вырубку, заваленную ломаными берёзками, выкорчеванными пнями. Здесь под кучей еловых веток спал заяц-беляк. Он гулял-жировал всю ночь и спал теперь крепко и спокойно.

Шорох снега и сорочий крик разбудили его. Длинноухий, с выпученными глазами, он с треском выскочил из-под земли у самых ног Наполеона и пошёл сигать по вырубке, перепрыгивая пеньки.

Песцы замерли от ужаса, а потом дунули в другую сторону.

Сорока растерялась. Не могла сообразить, что теперь делать, за кем лететь, над кем трещать. Она раздражённо уселась на ветку козьей ивы, закрутила зелёной головой. Настроение у неё совсем испортилось.

Неподалёку, под ёлками, вдруг зашуршал снег, послышалось сопение, и на вырубку выбежал гончий Давило. Он равнодушно глянул на сороку, добежал до заячьего следа и тут оживился. Фыркнул вправо, влево, а после засунул нос свой, похожий чем-то на кошелёк, прямо под кучу еловых веток.

Задрожал от радости собачий хвост, и вылетели песцы из гончей горячей головы.

Давило рывкнул басом и побежал по новому следу, с удовольствием вдыхая сладкий заячий запах.

Загремел голос Давилы под сводами ёлок – звонкой цепью потянулся по лесу, отмечая путь зайца. Недалеко протянулась цепь, дошла до опушки, заглохла на минутку, и тут на конце её, как двойной колокол, ударил гром.

Сорока слетела с козьей ивы и низом-низом, незаметно, быстро и неторопливо скрылась из глаз.

Кто стрелял?

– Что такое! Что ещё такое?! Кто стрелял?

Близкий, неожиданный выстрел ошеломил директора Некрасова, пыжиковая шапка вздрогнула на голове.

Директор стоял на опушке леса в высоких сапогах-броднях, а на руках его были дворничьи рукавицы – хватать в случае чего песцов. Выстрела директор никак не ожидал. Наполеон нужен был живым.

– Кто стрелял?! Кто стрелял, я вас спрашиваю! – грозно повторил директор.

– Ясно кто, – угрюмо ответил бригадир Филин, который шевелился неподалёку в кустах, стараясь замаскироваться. – Оборот Ноздрачёв.

Из лесу выскочил Давило. Он был радостно возбуждён, шоколадные глаза его налились кровью.

– Ноздрачёв! – сурово крикнул директор. – Это ты стрелял?

– Да я тут косоного зашиб, – послышался низкий, идущий из самой глубины души голос.

Скоро и сам Ноздрачёв вывалился на опушку. От него валил азартный охотничий пар. Заяц, который всю ночь гулял-жировал, болтался теперь у пояса. За три шага пахло от Ноздрачёва кислым бездымным порошком «Фазан».

– Токо выхожу на просек, – возбуждённо стал объяснять Ноздрачёв, – косоной чешет. Я ррраз через осинки...

– Где песцы?

– Песцы-то? – растерялся охотник. – Наверно, круги делают.

Директор Некрасов всего секунду глядел на охотника Фрола Ноздрачёва, но и за эту секунду взглядом успел многое сказать. Оправивши шапку, директор повернулся к охотнику спиной и направился обратно на звероферму. За ним поспешил бригадир.

– погоди, погоди, – вслед ему сказал Ноздрачёв. – Не волнуйся. Сейчас догоним. Я тут всё кругом знаю, не уйдут.

Звероводы даже не обернулись. По снежному полю уходили они от охотника, и вместе с ними уходила премия.

Тут вспыхнул охотник Фрол Ноздрачёв, и по лицу его пошли багровые полосы, похожие на северное сияние. Вспышки сияния никто, правда, не видел, зато услышали директор и бригадир, как ругается охотник им вслед пустыми словами.

Отругавшись, охотник потоптался на месте и пошёл потихоньку туда, куда вёл его собственный характер.

– Не волнуйтесь, Пётр Ерофеич, – говорил тем временем Филин, догоняя директора. – Побегают, жрать захотят – через недельку сами вернутся.

– Да за недельку они от голода помрут, – недовольно сказал директор. – А если кто-нибудь прихлопнет Наполеона? Что тогда?

– Вот это вопрос! – подтвердил Филин. – Что же делать?

Директор закурил, напускал дыму в темнеющее постное небо.

– Надо попробовать Маркиза, – сказал он.

Верея́

Серый денёк ещё посерел, сгустились на небе облака, предвечерний ветер погнал их на юг.

К вечеру оказались беглецы в глухом овраге, на дне которого медленно замерзал чёрный ручеёк. По оврагу, по оврагу, вверх по ручью добежали они до лесного холма-верей.

Здесь, на склонах верей, были барсучьи норы. Барсуки селились на холме с давних времён, насквозь пронизали его норами.

Приближающаяся ночь тревожила Наполеона, хотелось спрятаться от ветра, нагоняющего позёмку. По можжевёловому склону поднялись песцы на вершину и заметили в корнях ёлки тёмную пещеру. Наполеон обнюхал снег вокруг неё, засунул внутрь голову.

Из пещеры пахло сухим песком, смолистыми еловыми корнями. Это была барсучья нора, давно заброшенная хозяевами. Корни, которые оплетали её потолок, медленно росли, шевелились и постепенно завалили ходы, ведущие внутрь верей.

Наполеон залез в пещеру, за ним – Сто шестнадцатый, который сразу забился в угол. Недопёсок свернулся колом у входа, выставил наружу морду и глянул сверху на лес.

Ого, как высоко забрались они! Далеко видны были тёмные леса, робкие деревенские огоньки за лесами, сизая над огоньками пелена. И совсем уж далеко, как маленький грибок, видна была кирпичная водокачка, отмечающая над деревьями звероферму «Мшага».

Темнело. Из-за еловых верхушек взошла красная тусклая звезда, а за нею в ряд ещё три звезды – яркие и серебряные. Это восходило созвездие Ориона.

Медленно повернулась земля – во весь рост встал Орион над лесом.

О Орион! Небесный охотник с кровавой звездой на плече, с ярким посеребрённым поясом, с которого свешивается сверкающий звёздный кинжал!

Одною ногой опёрся Орион на высокую сосну в деревне Ковылкино, а другая замерла над водокачкой, отмечающей над чёрными лесами звероферму «Мшага». Грозно натянул Орион тетиву охотничьего лука, сотканного из мельчайших звёздочек, – нацелил стрелу прямо в лоб Тельцу, в полнеба раскинувшему звёздные рога.

Зафыркал кто-то внизу, забурчал. Это выходили на охоту барсуки. Они спустились по склону вниз, пропали в овраге.

Стало совсем тихо, откуда-то, наверно из деревни Ковылкино, прилетел человеческий голос: – ...Гайки не забудь затянуть...

Затих голос, и нельзя было узнать, какие это гайки, затянули их или нет.

Барсучья ночь

Всю ночь в овраге под верей возились барсуки.

Это была последняя, как видно, барсучья ночь перед зимней спячкой.

Ворчание барсуков тревожило Наполеона, он никак не мог заснуть, то и дело открывал глаза, готовясь встретить незнакомого врага. Один ворчун, самый старый и такой седой, что даже полоски на носу его посветлели, подошёл к пещере, в которой спали песцы.

Наполеон каркнул на него, как ворон, красным цветом блеснули из пещеры его глаза.

Уж на что стар был барсук, а не смог разобрать, что за зверь перед ним – то ли пёс, то ли лис, кто его разберёт? Старик решил с ним не связываться, скатился в овраг, презрительно что-то бормоча. Он долго ещё бубнил себе под нос, бранил Наполеона.

И следы, собственные следы на снегу тревожили Наполеона. Они были частью его самого, тянулись по лесам и оврагам, словно гигантский хвост. Вот кто-то потянет за этот хвост и вытащит из норы, из барсучьей пещеры, притащит обратно на звероферму.

Плохо спал в эту ночь и директор Некрасов, хоть и не бранили его барсуки, не бродили под окнами. Снились директору большие неприятности и убытки, которые принёс звероферме сбежавший Наполеон. Дёргался директор, метался под одеялом.

– Катя, – говорил он во сне, – дай кисельку клюквенного.

И Прасковьюшка спала неровно, просыпалась, бормотала, била в подушку кулаками.

Славно спал в эту ночь Фрол Ноздрачёв, и снился ему тёплый магазин, ящик с макаронами. Грозно, азартно, по-охотничьи храпел Ноздрачёв, так храпел, будто выговаривал фамилию знаменитого немецкого философа: «Фейерррр-бах! Фейерррр-бах!»

Барсучья ночь тянулась долго, и высоко поднялся Орион, медленно наклонился набок, догоняя скрывающегося за горизонт Тельца. Под утро ушёл Орион за край земли, только кровавая звезда с его плеча долго ещё светила над ёлками, тусклая звезда с таким певучим и таким неловким, неповоротливым в наших лесах названием – Бетельгёйзе.

Перед рассветом протопали барсуки по оврагу в последний раз. Сопя и кряхтя, залезли спать в свои норы. И как только самый старый барсук улёгся, над далёкими лесами протянулась брусничная полоса рассвета.

Из оврага тем временем послышалось короткое тьяканье, шорох увядших трав, припорошённых снегом. Кто-то бежал по следу песцов. Вот прохрустел сухим дудником у ручья и стал подниматься вверх.

Наполеон ошетинился.

Вздрыгнул, зашевелился куст можжевельника – и низенький, рыжеватый зверь выскочил прямо к пещере. Увидевши Наполеона, он миролюбиво заскулил. Это был самый старый песец со зверофермы, которого звали Маркиз.

Маркиз

Наполеон хорошо знал этого рыжеватого Маркиза.

Маркиз жил в клетке напротив и с утра до вечера дремал, накрывши нос пышным хвостом. Он никогда не метался по клетке, как другие песцы, и не грыз решётку. Целыми днями он мудро спал, а просыпался только лишь для того, чтобы покрутить пойлушку.

Музыку предобеденную Маркиз очень любил и сам был неплохим музыкантом, умел выжать из своего незатейливого инструмента целый набор ликующих, а то и печальных, задумчивых звуков. Душа у него была, как видно, тонкая, артистическая.

Недопёсок терпеть не мог железную музыку. От визга пойлушек шерсть его вставала дыбом, он лаял, стараясь заглушить звон, но почему-то против воли и сам подкручивал миску – не хотел, а она притягивала, заманивала.

Появление Маркиза на барсучьей горе ни капли не удивило Наполеона. Он даже и не задумался, откуда здесь взялся Маркиз, которому полагалось дремать в данный момент на звероферме.

Маркиз тем временем обнюхал Наполеона и Сто шестнадцатого, который тоже вылез из пещеры, утомлённо зевая.

И вход в пещеру, и подножие ёлки обнюхал Маркиз. Нанюхавшись барсучьих следов, он презрительно фыркнул.

Маркиз был гораздо старше Наполеона. Уже пять лет крутил он на ферме свою пойлушку. Он был старше, сильнее и властно прохаживался теперь по вершине холма и поглядывал на беглецов.

Маленьким серым носиком обвёл Маркиз голубые горизонты и нацелился на водокачку, отмечающую над лесами звероферму «Мшага».

Недопёску это не понравилось. Он также оглядел горизонты, направил свой нос точно на север и, не раздумывая, стал спускаться с холма, но уже не в овраг, а в другую сторону, к сосновому лесу. Сто шестнадцатый потоптался на месте и потянулся за Наполеоном.

Маркиз, однако, не растерялся, в три прыжка обогнал Наполеона, клацнул зубами у его уха, отщёп плечом и возглавил бег. По силе, по возрасту, по всем правам Маркиз должен был стать вожаком. И в этот спор Сто шестнадцатый решил не вмешиваться, он бежал последним, и легко было ему на проложенных следах.

Скоро осталась позади барсучья верёя, поднялся над песцами бор, такой дремучий, что даже и синиц здесь не было. Седобородый глухарь заприметил беглецов, но не шелохнулся в еловом шатре, хоть и невиданными показались ему бегущие звери – рыжеватый Маркиз, платиновый Наполеон и голубой Сто шестнадцатый.

С полчаса бежал Маркиз на север. Он не оглядывался на своих спутников и не останавливался, уверенно перепрыгивал поваленные деревья, пересекал лесосеки и просеки.

Третий раз в своей жизни оказался Маркиз на воле.

В первый раз, так же как Наполеон, сбежал он и три дня мыкался по лесам. Голодный и ободранный, вернулся на ферму. Через год сбежал другой песец, по имени Рислинг. Дело было летом, и следов беглеца не могли найти. Тогда-то директор Некрасов придумал послать вдогонку Маркиза. Директор понимал, что Маркиз, хлебнувший вольной жизни, обязательно вернётся на ферму. И верно, Маркиз вернулся к обеду, а за ним бежал измученный Рислинг.

Сегодня Маркиз попал на волю в третий раз, но никогда ещё так далеко в лес не забирался. И сам он, когда был беглецом, и Рислинг крутились рядом с фермой, таясь в кустах, слушали предобеденный звон.

Маркиз по-прежнему бежал на север, но чувствовал, что пора уж поворачивать на юг. Огибая буреломы, выискивая будто бы лучшую дорогу, потихоньку, незаметно он загибал, загибал вправо и в конце концов обвёл беглецов вокруг верёи, поставил их к северу хвостом.

Наполеон понял, что Маркиз хитрит, но очень уж уверенно вёл его вожак, а сзади потоптавливал Сто шестнадцатый, который ни в чём не сомневался.

Кончился сосновый бор, пошли перелески, осинники, и неожиданно небо раскрылось над головой, и прямо перед ними легло широкое белое поле. А за полем – дощатый забор, редкие ёлки с обрубленными до самых макушек сучками и между ними огромный кирпичный гриб – водокачка, отмечающая над чёрными лесами звероферму «Мшага».

Близко, совсем близко слышалось тьяканье песцов, кислый запах мёрзлой кормовой смеси и пронзительный родной звук – песцы играли на тарелочках.

Сто шестнадцатый разрывается на части

У дырки в заборе Маркиз остановился. Он обернулся к спутникам, игриво вильнул хвостом в сторону зверофермы: давайте, мол, вернёмся, ребята, пожрём, выпьемся, а там видно будет.

Сто шестнадцатый сразу обрадовался, запрыгал восторженно вокруг Маркиза, ударил по воздуху лапой, будто крутил пойлушку. Устал Сто шестнадцатый – голубой двухлеток – от этой бестолковой беготни и чувствовал себя сейчас путешественником, который после долгих странствий вернулся домой.

А дома всегда хорошо. Дома ждёт тебя уютная, в общем-то, клетка, сколько хочешь кормовой смеси, пойлушка, старые соседи, старые привычки, размеренная нормальная жизнь. Да, плохо тем, у кого нет своего дома. Толкуются эти вечные странники там да сям, то прибьются к одному берегу, то приткнутся к другому, а за душой нету ничего – ни клетки, ни пойлушки.

Звон предобеденный между тем стих, зато усилился запах кормовой смеси – работницы начали кормить зверей. Из щелей в заборе слышались их высокие голоса.

Звон, запах, голоса разбередили Наполеона. Поник вдруг Наполеон, и мех его платиновый обвис, обмяк, потускнел. Что же это такое, откуда снова взялась звероферма? Задумался недопёсок Наполеон Третий, сел по-собачьи в снег.

Ни капли не похож был он сейчас на гордого зверя, похож он был на дворняжку, которую пнули сапогом, чтоб не вертелась под ногами.

Маркиз подскочил к Наполеону, весело куснул его за ухо и попятился к дырке в заборе. Сто шестнадцатый потянулся за ним. Когда уже голова Маркиза скрылась в щели забора, Наполеон жалобно тявкнул. Маркиз остановился. Оглянулся удивлённо Сто шестнадцатый.

В этот момент принял недопёсок решение, тряхнул императорской головой и на глазах превратился из побитой собачки в настоящего песка. Платиновым своим бесценным хвостом повернулся Наполеон к ферме, а нос установил точно на север и побежал потихоньку обратно по своим следам. Сто шестнадцатый растерялся. Душа его разрывалась на части. С одной стороны, хотелось перекусить и выпасться, с другой – тянул за собой недопёсок, убегающий в открытое поле.

О недопёсок Наполеон Третий! Круглые уши, платиновый мех!

Ваша величественная чёрная морда обращена точно на север, и, как стрелка компаса, рассекла её ото лба до носа белая сверкающая полоса!

Прекрасен, о Наполеон, ваш хвост – лёгкий, как тополиный пух, тёплый, как гагачий, и скромный, как пух одуванчика. Одним только лишь этим хвостом укутай свою шею, вечный странник, и валяй хоть на Северный полюс.

О хвост недопёска! Ни лиса, ни соболь не похващаются таким пышным хвостом цвета облака, которое тает в голубых небесных глубинах над березняком или осинником. Торжественнейший хвост, форму походящий на дирижабль.

Душа Сто шестнадцатого разрывалась на части. Одна так и хотела нырнуть в дырку забора, пожрать и выпасться, в другой же части его души зрело чувство товарищества: всё-таки вместе с недопёском они бежали, вместе страдали.

Виновато заскулил Сто шестнадцатый, будто извиняясь перед Маркизом, и, как собачка за хозяином, потрусил через поле вслед за Наполеоном Третьим.

Маркиз не ожидал такого поворота. Он хотел было догнать беглецов, но уж сам приустал и боялся опоздать к обеду. Маркиз тоскливо завыл им вслед.

На краю поля песцы остановились глянуть последний раз на Маркиза. Как маленькое рыжее пятнышко, виден был Маркиз на светлом снегу, перед щербатым забором, из-за которого тянулся запах кормовой смеси и слышался алюминиевый звон.

Серая лиса

Песцы пересекли поле и попали на просёлочную дорогу. Снег смешался здесь с грязью и песком, получился жёлтый кисель, но дорога шла точно на север, и Наполеону нравилось, что на ней почти не остаётся следов.

Песцы долго бежали по дороге.

Вдруг где-то сзади послышался чудовищный рёв.

Громыкая пустыми молочными бидонами, скрипя и визжа тормозами, их догоняла грузовая машина «ЗИЛ».

Недопёсок прыгнул в кювет, затаился, а Сто шестнадцатый припал к земле и накрыл голову лапами.

Машина остановилась.

Шофёр Шамов с изумлением глядел на пушистого зверя, пышным пластом лежащего на дороге. Из кабины видно было, как шевелит ветерок жемчужный мех.

«Серая лиса! – подумал Шамов. – Что делать?»

Он бестолково стал шарить под сиденьем в поисках чего-нибудь, чем можно было бы подшибить зверя.

Рука нашупала гаечный ключ. Он вытащил его из-под сиденья, высунулся из кабины и швырнул изо всех сил. Но слишком много надежды вложил он в свой бросок – гаечный ключ раскорякой запрыгал по дороге.

«Перелёт!» – огорчённо подумал Шамов.

Больше гаечных ключей у него не было. Была отвёртка, но для охоты на лису она не годилась. Пошарив под сиденьем, он вытащил огромную стальную рукоятку, которой заводят грузовик, и мощно метнул её в серую лису.

Заводило до лисы не долетело.

Волнуясь, он скинул телогрейку и вылез из кабины. Развернул телогрейку, как огромное промасленное крыло, и стал подкрадываться к Сто шестнадцатому.

Сердце у шофёра билось отчаянно, боясь упустить такую редкую добычу. Но ещё отчаянней стучало сердце Сто шестнадцатого. Оно стрекотало, как кузнечик.

Не доходя двух шагов, Шамов прыгнул и накрыл песка телогрейкой, прижал коленом к земле.

Сто шестнадцатый не дёргался и не кусался. Он потрясённо смотрел на шофёра Шамова и не мог понять, что же это такое.

– Серую лису поймал! Серую лису поймал! – закричал Шамов. Уши его пылали от радости. Шапка подскакивала на голове.

Он скинул брючный ремень, связал Сто шестнадцатого и вдруг подумал: «Да это ведь не лиса! Это, наверно, со зверофермы зверь».

Тут в голове Шамова началась сложная работа: что делать – затаить ли добычу или везти на звероферму как государственную собственность?

«Затаю – найдут, – огорчённо думал Шамов. – Зря, дьявол, ключами кидался».

Лениво нажал он на педаль, поворотил грузовик к звероферме.

– Эй, тётка, – крикнул он сторожихе у ворот, – где у вас начальник? Я тут какого-то зверя поймал. Не вашего ли выводка?

Сторожиха глянула в кабину, ахнула, засвистела в милицейский свисток. И тут же началась вокруг Шамова кутерьма.

Прибежал Некрасов, прибежал бригадир Филин, они хлопали Шамова по плечам, тащили его в кабинет, расспрашивали, где и как и не видал ли он Наполеона Третьего. Потом выдали ему премию – двадцать рублей.

Премия Шамова ошеломила. Он долго мял её в руках и повторял однообразно:

– Ну, как раз к праздникам!

Да, повезло шофёру Шамову. Не искал он в жизни никаких чудес, сроду не гонялся за синей птицей и вдруг – серую лису поймал.

С тех пор шофёр Шамов, катаясь по дорогам, всегда зорко глядел по сторонам и нарочно имел в запасе несколько гаечных ключей. Но больше никогда в жизни серая лиса ему не попала.

Колпаки и колёса

Когда грохот машины заглох, недопёсок вылез из кювета и обнюхал место, где лежал Сто шестнадцатый. Куда девался его спутник, Наполеон не понял, но с дороги решил поскорей убираться.

Пока он соображал, из-за поворота вынеслись два мотоциклиста. Они были в оранжевых колпаках, которые страшно горели над пасмурной землёй.

– Смотри, – заорал первый мотоциклист, – лисёнок!

Второй не расслышал ничего за рёвом мотора, а только весело махнул рукой и помчался по дороге. В последний момент Наполеон отпрыгнул в сторону – мотоциклы промчались мимо.

Не понимая ничего, Наполеон спрятался в кювет, упал на землю и закрыл глаза.

Мотоциклисты вдруг заглушили моторы, слезли с мотоциклов и стали подкрадываться, растопырив длинные руки в зазубренных перчатках, похожих на огромных бабочек.

Недопёсок выскочил из кювета, побежал через поле в сторону от дороги.

– Догоняй! Уйдёт! – закричали мотоциклисты, завели моторы и дунули вдогонку.

По корявому полю ехать им было трудно – мотоциклы с рёвом подпрыгивали на мёрзлых кочках. Как тысячи пустых пойлушек, визжали в них стальные шестерёнки, снежная грязь фонтаном била из-под колёс.

Вправо, влево кидался недопёсок, то бежал изо всех сил, то припадал к земле, стараясь спрятаться от этого рёва, разрывающего уши.

Наконец один из мотоциклистов неловко поворотил – мотоцикл грохнулся набок. Вторым наехал на него, зацепился колесом, подпрыгнул и вылетел из седла – заварилась на поле грохочущая каша из колёс и колпаков.

Страшная зазубренная перчатка соскочила с руки мотоциклиста и вдруг подползла к Наполеону, собираясь, видно, схватить его. Наполеон зарычал, укусил перчатку изо всех сил.

С перчаткой в зубах он побежал к дороге и увидел, что под ней проложена какая-то труба. Недопёсок нырнул в трубу и затаился.

Бой с дворняжками

Наполеон сидел в трубе и слушал, как ругались мотоциклисты. Они долго не уезжали, что-то подкручивали, подтягивали, стучали ключами.

Искусанная мотоциклетная перчатка жалобно попискивала в зубах Наполеона – звала, наверно, хозяина.

Когда колпаки наконец уехали, недопёсок вылез из трубы и побежал вперёд, на север. Перчатку мотоциклетную он держал в зубах, и она слабо трепыхалась, пытаясь вырваться.

Теперь недопёсок бежал не по дороге, а вдоль неё и, заслышав машину, сразу прятался за какой-нибудь кочкой. Поле пошло в наклон, опустилось в овраг. За оврагом лежала деревня Ковылкино.

Недопёсок добежал до забора, не раздумывая нырнул в дыру и увидел другой забор и снова пролез через щель. Но не успел он пробежать и десятка шагов, как опять наткнулся на глухой забор. За ним чернел деревянный горб – дом.

Недопёсок побежал было назад, потом – в сторону, но всюду вокруг него были заборы и дома с какими-то нехорошими трубочками, свисающими с крыш. Неожиданно выбежал он к деревенскому магазину. Уже стемнело. Над дверью магазина зажглась электрическая лампа. Поднялся ветер, и лампа со скрипом раскачивалась на проволоке под железным колпаком.

У крыльца стояла жёлтая дворняжка Дамка. Она поджидала своего хозяина, который уже битый час торчал в магазине. Увидев недопёска, Дамка злобно оскалилась и зарычала. Тут же из-под крыльца выскочила вторая дворняжка. Эта вторая была низенькая, ростом в полтабуретки, и напоминала чем-то поросёнка.

Недопёсок перепугался, попятился назад, но Дамка стремительно кинулась к нему, разинула острозубую пасть. Наполеон махнул головой – и мотоциклетная перчатка, как большая противная жаба, прыгнула Дамке в глаза. От ужаса Дамка пала на землю, а перчатка уселась на неё верхом.

Но тут к Наполеону подсказала Полтабуретка, отвратительно затыкала и схватила его зубами за шиворот. Огромное количество меха набилось ей в пасть. Она вырвала клоч, стала

отплёвываться и тут же завопила во всё горло, потому что песец вцепился острыми когтями ей в морду и потряс хорошенько.

– Наших бьют! – кричала Полтабуретка.

Со всей деревни к магазину стали сбегаться дворняжки, и скоро у крыльца закипела собачья свара. На шум из магазина выскочил какой-то человек в резиновых сапогах.

– Ку! – заорал он, расталкивая собак сапогами. – Провались! Провались!

Дворняжки разбежались. Только недопёсок остался у крыльца на земле, а рядом с ним валялась на снегу изжёванная мотоциклетная перчатка. Человек поднял её, примерил, и перчатка в пору пришлась по левой руке.

– Какая дурацкая рукавица! Неуж из-за неё псы грызутся? – сказал человек и поглядел по сторонам: не видно ли где второй перчатки?

Этот человек был плотник Меринов.

Хороший плотник Меринов

Меринов считался в деревне хорошим плотником.

Он умел рубить избы, баньки, выстругивал ульи для пчёл, делал берёзовые табуретки. Кроме того, он был ложечник, вырезал деревянные ложки, разукрашивал их цветами и птицами, а после возил на базар.

Разглядевши недопёска, Меринов понял, что перед ним щенок.

«Английский шпиц, – подумал он. – Наверно, его дачники бросили».

Плотник Меринов в собаках мало разбирался, но относился к ним добродушно. Во дворе у него жила собака Пальма, которую плотник любил почесать за ухом.

Потолкавши сапогом английского, как он думал, шпица, Меринов хотел идти домой, но шпиц застонал, уткнулся в плотницкий резиновый сапог.

– Что такое? – удивился плотник. – Чего скулишь? Ступай к своим дачникам!

Шпиц английский к дачникам, однако, не пошёл, а всё как мёртвый лежал на земле. Потерял Наполеон былую свою красоту и был похож теперь на самого ободранного в мире щенка, в котором нет ни толку, ни породы. Грязными клочьями торчал драгоценный мех, свалился колтунами. И, глядя на него, никто бы, конечно, не мог подумать, что такие неважные звери выращиваются на зверофермах.

– Потрепали тебя, бедняга, – говорил плотник. – А в другой раз будь умнее – не связывайся с дворняжками. Ну ладно, сейчас я тебя куда-нибудь пристрою.

Он взял шпица за шкирку, будто котёнка, и понёс его в магазин. В магазине было шумно, народ толпился у прилавка, а на ящике с макаронами в уголке сидел охотник Фрол Ноздрачёв.

– Кому щенка? – закричал плотник. – Английский шпиц! Его дачники бросили! Дрессированная собачка! Кушает конфеты «Озеро Рица»!

В магазине засмеялись, зашумели. Продавщица Ася крикнула:

– Иди, Мерин, домой. Надо нам твоего щенка!

Охотник Фрол Ноздрачёв поглядел на недопёска туманными глазами и сказал:

– Это шпиц не чистокровный. У него хвост лисий. Брось его.

Плотник Меринов покричал ещё, предлагая щенка, потом купил махорки-крупки и пошёл из магазина.

– Ладно, – бормотал он, выходя на крыльцо, – не хотите – не надо. Отнесу его домой, Веруне в подарок. На, скажу, тебе, Веруня, подарок – английского шпица. Пускай на дворе живёт. Да и Пальме будет веселее.

Плотник сунул недопёска за пазуху, а мотоциклетную перчатку в карман.

Сухо и тепло было за пазухой у плотника. Пахло махоркой и столярным клеем.

Пальма

Со звоном топая сапогами по мёрзлой земле, плотник Меринов подошёл к своему забору и остановился, докуривая сигарку. Хозяйка у него была строга, дома курить не велела. А плотник хозяйку свою уважал. Он постоял у забора, попыхтел дымом. Из сигарки сыпались на землю махорочные звёзды.

Затоптав огонь, плотник распахнул калитку и вошёл во двор.

– Ну вот, – сказал он, вытаскивая недопёска из-за пазухи. – Вот мы и дома. Видишь этот дом? Это наш. И сарай наш. И вишни наши, шубинки. А Пальму не бойсь, она не тронет... Пальма! Свои!..

Плотник опустил недопёска на землю, вынул из кармана мотоциклетную перчатку, кинул на крыльцо, а сам пошёл в дом. В открытую дверь блеснуло электрическим светом, и донёсся на редкость приятный, сытный и жирный запах – это хозяйка вынимала из печки вечерние щи.

Добротный двор был у плотника Меринова. Дом он срубил из толстых сосновых брёвен, наличники на окнах разукрасил травяным узором. Под окнами росли коренастые вишни-шубинки. С их веток свешивались длинные серые сосульки. Сбоку от дома был сарай, в котором тепло шевелилась мериновская корова Воря. У сарая стояли козлы и собачья конура, покрытая толем.

Из конуры вылезла толстая рябая псина. Она зевнула и, заприметив недопёска, лениво гавкнула.

Это и была Пальма Меринова.

Она походила на сосновый чурбак, укутанный войлоком, а на голове у неё росли развесистые уши, которые и придавали сходство с пальмой в кадучке.

Большим и мокрым, розовым даже в темноте носом обнюхала Пальма воздух и вобрала сразу все запахи, которые имелись в нём: вечерних щей, мотоциклетной перчатки, Наполеона Третьего и даже запах луны, выскочившей на минуту из холодного облака.

Запах недопёска Пальме не понравился, очень он был жёсткий, жестяной. Но в то же время не вызвал особого раздражения.

«Что поделать, – добродушно, наверно, подумала Пальма. – Бывают и такие запахи. Беда не велика. Главное – сердце, душа».

Потряхивая своими тропическими ушами, подошла Пальма к недопёску. Он тут же упал на спину, выставив отросшие в клетке когти. Но Пальма не обратила на них внимания. Она высунула огромнейший язык, который был ей явно не по росту, и лизнула Наполеона. Тёплым, ласковым и приятным был этот язык. Сравнить его можно было только лишь с корытом, в котором мамы купают своих младенцев.

Вцепиться в такой язык недопёсок никак не мог. Он заскулил, подставляя Пальме живот и платиновые бока, и в один миг превратился из Наполеона Третьего в обычного щенка. Пальма облизала как следует Наполеона и решила, что запах стал поприличнее. Она подтолкнула недопёска к конуре.

Пальма Меринова была вообще-то добродушная хозяйюшка, из тех, которые, зазавши гостя, сразу же выставляют на стол всякие коврижки и шанежки. Под конуру у неё припрятаны были разные кусочки и огрызки, и, раскопавши кое- что из своих запасов, Пальма принялась угощать Наполеона.

Урча, накинуся он на хлебные корки и петушиные головы, а Пальма похаживала вокруг него, ласково ворчала, потчевала.

Да, Пальма Меринова была радушная хозяйюшка, и если б у неё в конуре был самоварчик, она, конечно, раскочегарила бы его.

Ночь в конуре

Сгустились сумерки, превратились в темноту, и сразу со всех сторон навалилась ночь на ковылкинскую землю. Не поймёшь, откуда она взялась: опустилась ли с неба или поднялась из глухих оврагов, заросших дудником, из барсучьих пещер.

К полуночи ударил мороз, и вокруг луны, которая вышла из сизых облаков, засияла голубая радуга. Эта ночная холодная радуга нагнала на деревенских псов волчью тоску, и дружно залаяли они и завывали, глядя на луну.

Свет луны опечалил и Пальму, она тоже завывала, поддерживая своих односельчан. Голос её, тёплый вначале и бархатный, подымался всё выше, выше, растерял по дороге теплоту и бархат и уже тянулся к луне тонкой шёлковой нитью. Добравшись до самой луны, стала Пальма медленно опускать голову и увидела окна мериновского дома, освещённые электричеством. Электрический свет взбудоражил её, и Пальма залаяла, будто вызывала хозяев на улицу разделить с нею ночную тоску.

Голос Пальмы растревожил Наполеона; вспомнились хриплые крики песцов, голоса работниц, алюминиевый звон.

Глядя исподлобья на луну, он хотел подхватить, подвыть деревенским дворняжкам, но ничего не получилось – из горла его вырвалось лишь твяканье, похожее на старческий хриплый кашель. Никак не вязался этот простуженный звук с домашним собачьим воем, и не нужен был он в ночном деревенском хоре, как не нужен был здесь, в деревне, и сам Наполеон, чудный зверь, ни дикий, ни домашний – искусственный, выведенный человеком.

Под вой собак заполз Наполеон к Пальме в конуру, забился в самый дальний угол, зарылся в какие-то жаркие тряпки и задремал.

Перчатку мотоциклетную он взял с собою, потому что стала она совсем ручной.

Ветер, который гулял высоко в небе, рассеял облака, и стало видно, как из ковылкинского оврага выливается на небо Млечный Путь – молочная дорога. И по дороге этой вдогонку за Тельцом, отмеряя ночные часы, медленно помчался Орион.

Грозно сверкнул кинжал на его поясе, изогнулся тугой лук, и вот стремительная стрела прочертила небесный свод, ударила в лоб небесному буйволу.

От грозного удара по всему небу посыпались искры – шальные кометы – и сгорели где-то над водокачкой, маленьким кирпичным грибом, отмечающим над чёрными лесами звероферму «Мшага».

Нет, не догнал Орион Тельца, не догнал вчера, не догонит сегодня и завтра. Куда проще директору Некрасову найти недопёска, вернуть на звероферму Наполеона Третьего.

«Надо было дать Прасковьюшке премию, – думал в этот миг директор Некрасов. – Всё же она старается... а теперь – одни неприятности».

«Ладно, проживу и без премии, – думала тем временем Прасковьюшка, – не в деньгах счастье...»

Засыпая, она беспокойно ворочалась на высокой кровати с серебряными шарами в изголовье, вздыхала, жалела себя и Наполеона, который бродит сейчас неизвестно где, голодный и одинокий.

Шофёр Шамов, укладываясь спать, думал только об одном: что делать с премией – отдать жене или затаить на личные нужды?

«Затаю пятерочку», – решил в конце концов он и на этом заснул, и снилась ему ровная дорога без луж и без колдобин.

На небо набежала глубокая снежная туча, закрыла луну, плащом окутала плечи небесного охотника. И разом смолкли деревенские псы, загремели цепями, укладываясь спать. Только Пальма лаяла долго, пока не погас свет в окнах мериновского дома.

Пальма забралась в конуру, притиснула Наполеона к стенке. От неё исходил такой мощный жар, что Наполеон задохнулся, задёргался, не просыпаясь, установил нос свой точно на север и обнаружил щель в стенке конуры. Он приник к ней носом и успокоился. Из щели тянуло холодом, пахло снегом, падающим с неба.

Заснул недопёсок Наполеон Третий, и, пожалуй, никогда раньше не спалось ему так спокойно, как в эту ночь во дворе плотника Меринова, под защитой горячей и добродушной Пальмы. Снились ему длинные ряды клеток, Маркиз, крутящий миску, и Сто шестнадцатый, который ничком лежит на дороге.

Пальма спала уютно, похрапывала и посапывала. Ей снилась большая кулебяка, которую испекут, наверно, к празднику.

Большая Вера Меринова

К утру повалил снег, да такой густой, что плотник встал пораньше – расчищать дорожки деревянной лопатой.

Пальма вылезла из конуры и сладко зевнула. За Пальмой появился недопёсок и тоже принялся зевать и потягиваться.

– Вишь ты, – засмеялся плотник, – зеваешь! Пригрела Пальма-то? Верунь, выдь на крыльцо, глянь, кого я тебе принёс!

На крыльцо вышла дочка плотника Вера, большая девочка, которая училась во втором классе. По росту Вера догоняла своего папашу, а на плечах у неё лежала туго сплетённая коса, потолще корабельного каната.

– Это что за типчик? – спросила Вера, глянув на недопёска. – Папань, ты зачем шутики шутишь?

– Это, Верунь, английский шпицок, – ответил плотник, который, кстати, и дочку свою слегка побаивался, потому что она была строга. – Его дачники бросили, а я пожалел.

– Разве это собака? Смотри, какой хвост, и морда лисья.

– Может быть, это помесь собаки с лисой? – неуверенно рассудил плотник.

– Папань, ты думай, что говоришь. Ну откуда возьмётся такая помесь? Лиса эвон где, а собаки – в деревне. Это зверь, а не собака.

Мамаша, Меринова Клавдия Ефимовна, обширная, как копна сена, вышла на крыльцо с полотенцем в руках. Как и у Веры, на плечах мамаша лежала коса, куда, правда, тоньше, чем у дочери. Клавдия Ефимовна работала в колхозе счетоводом, а два года назад была с председателем на звероферме, видала и песцов, и чёрно-бурых лис. Она сразу поняла, кто такой сидит на снегу у конуры.

– Песец, – сказала она. – Он с фермы сбежал.

– Я его вчера у магазина от собак отбил, – хвастливо сказал плотник.

– А что это, интересно, ты делал у магазина? – спросила Клавдия Ефимовна.

– Так, Клав... – замялся плотник. – Сама знаешь, махорки-то надо купить. А где ж её взять, как если не в магазине?

– Весь двор провонял своим табачищем, – недовольно заметила мамаша Меринова и, присевши на корточки, стала разглядывать недопёска.

– Какой мех красивый, – говорила Вера. – Мам, налей ему щец.

– Нечего зверей прикармливать. Пускай отец сядет на велосипед да отвезёт его на ферму.

– Не надо его на ферму, мам, – сказала Вера. – Пускай он у нас поживёт. Будет как собачка. Давай мы его пригреем.

– Куда я, Клав, теперь поеду, – поддержал Веру плотник. – Разве я проеду по такому снегу? К тому же задняя ось, похоже, треснула.

– У тебя я знаю, где треснуло, – сказала мамаша Меринова, недовольно поглядевши плотнику в глаза. – Ты скажи-ка лучше, что это ты у магазина делал?

Плотник Меринов смешался, закашлялся, вытащил из-под крыльца какую-то верёвку и пошёл за калитку, сказавши загадочно:

– Схожу за жердями.

Вчерашние щи

Осторожно по шерсти попробовала Вера погладить недопёска. Он сжался и, насупившись, поглядел куда-то за забор. Лёгкие прикосновения человеческой руки удивили Наполеона, но ничего страшного в этом не было, и вдруг тёплая приятная дрожь пробежала по спине.

А Веру удивляло, какой у него чуткий мех. Он струился, шевелился под пальцами, был живым и даже на ощупь серебристым. Вере очень хотелось провести пальцем вдоль белой полоски, рассекающей нос недопёска, но она не решилась.

– Мам, принеси щей. Давай мы его прикормим.

Мамаша Меринова погладила Веру по голове и сказала:

– Ты у меня молодец. Животных любишь. Ладно, всё равно сегодня новые ставить.

Она сходила в дом и вынесла чугунок тех самых щей, что так вкусно пахли вчера. Эх, были в запасе у мамыши Мериновой бараньи варёные мослы, но не сумела она их оторвать от сердца!

Пальме налили в миску, а недопёску разыскала Вера бывшую сковородку с обломанной ручкой, накрошила в щи хлеба.

Пальма завиляла хвостом, подошла к своей миске и весело ударила по щам языком.

– Хлебай, хлебай, не робей, – подталкивала Вера Наполеона.

Он упирался, хотел для начала крутануть сковородку и лапой неожиданно зачерпнул щей. Облизнул и сразу понял, что никогда не пробовал ничего столь острого и солёного. Снова обмакнул лапу и зацепил какой-то лохматый узел.

– Это капуста, – пояснила Вера. – Хлебай, хлебай... Тут и луковки попадают, кругленькие, да, наверно, уж разварились, упрели. И картошка.

Наполеон слизнул капусту. Так и стал он есть: обмакивал в щи лапы и облизывал. Вчера щи пахли, может быть, и вкуснее, но и сейчас были они хороши. Кислый и жирный валил от них пар.

Пока налегал недопёсок на вчерашние щи, Вера Меринова принесла верёвку, ласково, лёгким бантиком обхватила его за шею, а другой конец привязала к кольцу, вколоченному в стенку конуры.

– Посидишь так до обеда, – сказала она.

Только облизавши дочиста свою сковородку, заметил Наполеон, что на шее у него что-то мешается. Вывернул голову и лапой попытался скovyрнуть верёвку, но плотно уже сомкнулась она на шее, зарылась в мех. Тогда ему показалось, что от этой штуки можно убежать. Он прыгнул в сторону – верёвка схватила за горло, и Наполеон упал в снег.

Нет, Наполеон, не убежать вам от плотницкой верёвки. Простейший предмет, а легко превращает в собачку свободного зверя. И Пальма, и тёплая конура, и вчерашние сытные щи – это только обман, пригодный дворовым собачкам. На север, на север надо было, Наполеон, как раз ведь туда показывает верный компас, рассечённый белою полосой. Пропал, поник Наполеон, попался в петлю, сложенную бантиком из плотницкой верёвки.

– Не волнуйся, не волнуйся, – успокаивала его Вера. – Посидишь так только до обеда. Чтoб не убежал. А приду из школы, я тебе устрою домик.

Вера ласково гладила недопёска, уговаривала его, как мамыши уговаривают детей.

«Назову его Тишей», – думала она.

Вера Меринова была добрая девочка. Она любила животных, всех животных, всё равно каких. Но желательно – млекопитающих.

Полтабуретка

Мамаша Меринова ушла на работу, Вера – в школу. Дома никого не осталось.

А Пальма по характеру была домоседка. Она не слишком-то любила болтаться по улицам, ей нравилось, когда гости сами приходили.

Наевшись, Пальма вспрыгнула на конуру и улеглась на её плоскую крышу ждать гостей.

Наполеон, пришибленный верёвкой, заполз в конуру. Ему казалось, что какой-то страшный, сильный и невидимый зверь схватил за шею и держит. Вот нажмёт посильней – разорвёт горло. Мотоциклетная перчатка, которая дремала в куче тряпья, зашевелилась, ласково провела указательным пальцем по чёрному его носу, рассечённому белой полосой. Наполеон заскулил, но не смогла перчатка развязать верёвку на его шее.

Скоро во дворе появилась гостья.

Это была старая приятельница Пальмы – собачонка Полтабуретка.

Маленькая и зловредная Полтабуретка имела скверный характер. Она воровала всё, что попадалось на глаза, любила укусить сзади. Деревенские псы терпеть не могли Полтабуретку. Только Пальма жалела её.

«Маленькие собаки – злые, – рассуждала Пальма. – Их надо жалеть. У них жизнь не удалась».

Пальма всегда делилась с голодной Полтабуреткой костями, которые перепали от меринского стола, и Полтабуретка заходила каждое утро перекусить и вообще покалякать.

Увидевши гостью, Пальма приветливо махнула хвостом. Полтабуретка издали оскалилась, захихикала, подскочила к конуре.

Вдруг она замерла на месте, наморщила нос – чем это у вас тут противным пахнет? Пальма фыркнула добродушно: мол, не беспокойся, затесался тут один знакомый или родственник, что-то вроде племянника.

Из конуры вылез недопёсок с мотоциклетной перчаткой в зубах.

Полтабуретка зарычала, глазки её загорелись скандальным огнём. Она сразу вспомнила, кто ей вчера всю морду расцарапал.

Не рассуждая, кинулась она к недопёску, клянула зубами и выдрала клоч платиновой шерсти. Наполеон вцепился ей в нос, и снова раздался неприятный визг.

Пальма соскочила с конуры, отёрла Полтабуретку плечом и встала между нею и недопёском.

«Погодите, погодите, ребята, – как бы говорила она. – Давайте вначале разберёмся, в чём тут дело».

Но Полтабуретка вовсе не хотела ни в чём разбираться. Из носа у неё текла кровь, а пасть была забита шерстью. Она не просто лаяла, она орала во всё горло.

На голос Полтабуретки прибежала рыжая Дамка, маленькая собачонка Мошка и бродячий пёс Шакалок. Кольцом обложили они Пальму и Наполеона и грозно ворчали, а Полтабуретка шмыгала вокруг и разжигала.

Вся эта комедия Пальме не понравилась. Она загнала Наполеона в конуру и сама влезла в неё, выставив наружу только лишь свою добродушную морду. Пальма миролюбиво ворчала, объясняя, что нечего разжигать сыр-бор, что это её знакомый или даже родственник и что, в конце концов, это её личное дело, кто живёт у неё в конуре.

Но уговоры Пальмы не помогали. Свора вплотную приблизилась к конуре, а коварная Полтабуретка вскочила на крышу и стала скрести её когтями.

Собачонка Мошка, двоюродная сестра Полтабуретки, совсем обнаглела. Задними лапами она корябала землю – комья земли и снега полетели в морду добродушной хозяйшке.

Терпение Пальмы лопнуло. В ярости выскочила она из конуры и ужасно укусила двоюродную сестру. И тут же сцепились в одно лохматое колесо и Мошка, и Пальма, и Дамка, и Полтабуретка, и бродячий пёс Шакалок. А Наполеон взволнованно выглядывал из конуры и чем-то напоминал, в конце концов, своего знаменитого тёзку, который наблюдает из маршальского шатра за ходом сражения.

Псы свились в клубок, связались двойным морским узлом. Их морды были в середине узла, а хвосты трепетали снаружи. Узел прокатился по двору, перевернул козлы, но тут прилетела вдруг откуда-то консервная банка и врезалась в самую середину свары. И страшный послышался, грозный крик:

– Артиллерия! Огонь! Левое орудие разрывными снарядами – пли!

Градом посыпались на собак разрывные снаряды – осколки горшков и гремящие консервные банки. Первым рванул в сторону Шакалок, за ним – двоюродная сестра. Через четыре секунды двор опустел.

Из-за забора заглядывал на мериновский двор какой-то человек в офицерской фуражке. Это был дошкольник Серпокрылов.

Часть вторая

Дошкольник Серпокрылов

После завтрака дошкольник Серпокрылов имел обыкновение прогуливаться по деревне. Проводив на работу своего папашу, уважаемого слесаря Серпокрылова, дошкольник надевал офицерскую фуражку, закидывал на плечо винтовку, сделанную из водопроводного железа, и выходил в дозор.

Все друзья дошкольника учились в школе, поэтому до часу дня Серпокрылов был свободен и одинок. Но одиночество не мучило его, потому что он был занят военным делом.

Взявши винтовку наперевес, солдат Серпокрылов крался вдоль забора, стараясь подстрелить какого-нибудь вражеского разведчика или адъютанта.

Около клуба ему попался почтальон дядя Илюша, который мгновенно был ранен в ногу.
– Смотри, Лёшка, – крикнул дядя Илюша, – сколько снега навалило! Надо тебе надевать маскировочный халат!

Сержант Серпокрылов стрельнул ещё разок, но, как видно, не попал. Прихрамывая, дядя Илюша двинулся по деревне. Он кидал газеты и письма в почтовые ящики, приколотенные к калиткам.

Из проулочка появился тем временем неприятельский батальон, обутый в красные сапоги.

– Солдаты! За мной! – шепнул своим разведчикам старшина Серпокрылов. – Возьмём их в клещи!

Будто лавина, обрушились разведчики на врага. Хлопая от ужаса белыми маскировочными рукавами, вытягивая в страхе белые маскировочные шеи и даже маскировочно гогоча, враги рассыпались по огородам и замаскировались.

Неожиданно послышалось ворчание танка. Лязгая гусеницами, из-за ближайшего блиндажа вываливался тяжёлый бронированный механизм.

– Погибать – так с музыкой! – крикнул лейтенант Серпокрылов, держа в руке противотракторную гранату.

Раздался чудовищный взрыв – механизм выпустил облако дыма и отправился умирать в сторону силосной ямы.

После боя установилась над землёй тишина. Такая тишина, какой не услышишь в мирное время. Но это была обманчивая тишина.

Со двора плотника Меринова вдруг послышался визг и лай.

– Вперёд! По-пластунски! – скомандовал капитан Серпокрылов, упал в снег и стремительно пополз к забору, за которым разгорелся невиданный бой.

Заглянувши в дырку между штакетин, майор Серпокрылов сразу оценил обстановку.

– В штыки! – послышалась команда. – Ребята, рубай их! Не подведите своего подполковника!

Град огня и снарядов обрушился на врага.

– Спасибо вам, товарищ Серпокрылов, – сказала Пальма. – Ваши активные боевые действия привели к полной победе.

– Я – солдат! – скромно ответил полковник Серпокрылов.

Дошкольник хотел продолжать путь боевых подвигов, как вдруг заметил пушистого, с огромным хвостом солдатики, привязанного за верёвку к конуре.

«Вон какую штуку завела себе Верка Меринова!» – изумлённо подумал он, раскрыл глаза пошире, и в голову его хлынули сугубо штатские мысли: кто это такой, чего он сидит у конуры и при чём здесь огромная перчатка, валяющаяся на снегу?

Дошкольник перелез через забор, поднял перчатку и примерил. Рука влезла аж до плеча, и дошкольник засмеялся от удовольствия.

– А ты кто такой? – спросил он Наполеона, присел на корточки и перчаточным пальцем провёл ему по носу.

Наполеон зажмурился.

Новые стремительные мысли пронесли в голове дошкольника, и главная – насчёт Верки Мериновой: мол, надо бы её немного подразнить, а то чего-то загордилась, давно недрознённая ходит.

– Ты мой трофей, – сказал он Наполеону и отвязал верёвку.

Потягивая за собой недопёска, дошкольник вышел через калитку на улицу.

Победные флаги трепетали над головой генерала Серпокрылова.

На полюс

«Это, наверно, россомаха, – думал дошкольник, выходя из калитки на дорогу, вдрызг перепиханную тракторами. – А может, барсук? Как раз полосочка на носу. Нет, он похож на лису. Но не очень. Какой-то недолисок!»

Тут мысли дошкольника побежали по дороге, проторённой уже плотником Мериновым: «Может, это помесь собаки с лисой? Лисья собачка? Лисопёс... Лисица-псица!.. Лисец...»

– Песец! – закричал вдруг дошкольник, подпрыгнул на месте и выпалил из водопроводной винтовки. – Песец! Песец! Чтоб мне треснуть! Это песец!

Восхищённый своей догадливостью, он палил безостановочно в воздух. Бах-тарах-бабах! Наполеон поник, пришибленный неслышанным салютом. Никогда в жизни не приходилось слышать ему ничего подобного.

Дошкольник быстро израсходовал все боеприпасы и дёрнул за верёвку. Ему хотелось немедленно куда-то бежать. Песец неожиданно заупрявился, упёрся лапами в землю и затряс головой.

– Пойдём, пойдём, – торопил дошкольник.

Наполеон завертел головой, упал на бок, перевернулся на спину, стараясь задними и передними лапами сорвать с шеи верёвку.

Дошкольник Серпокрылов, надо сказать, был человек сообразительный. Он подождал, пока Наполеон успокоится, а потом заманчиво помахал мотоциклетной перчаткой.

– Пойдём со мной, – сказал он. – Перчатку получишь. Хорошая перчаточка!

Однако перчатка не помогла. Песец вовсе её не заметил.

– Ну, ладно, – сказал дошкольник. – Ты не идёшь за мной, тогда я пойду за тобой. Беги куда хочешь.

Разных людей повидал за свою жизнь Наполеон Третий, но никогда не встречал он таких маленьких, чуть выше елового пня. Это Наполеону неожиданно понравилось, и ещё понравилось, что дошкольник перестал дёргать верёвку и палить.

Недопёсок обнюхал снег и валенки дошкольника Серпокрылова. От валенок пахло мышами.

Наполеон оглянулся на мериновский двор. Пальма стояла у калитки, печально помахивая тропическими ушами. Наполеон кивнул ей и установил нос точно на север.

– Валяй! – шепнул дошкольник, и на север, точно на север побежал недопёсок через деревню Ковылкино, а за ним – дошкольник Серпокрылов.

Ему хотелось свистнуть, как свистят кавалеристы, скачущие в степи, или взречься мотоциклом «Ява», на котором ездит агроном, но он боялся напугать зверя, бегущего перед ним.

«Куда же он бежит? – думал Серпокровов. – Наверно, на север. Северный зверь должен бежать на север. На полюс!»

Серпокровов смеялся, ему казалось, что он всё знает, всё понимает, и действительно, он всё больше понимал, что это за зверь бежит перед ним, куда бежит и зачем.

«Назову его Филькой», – думал он.

Кто из нас, людей деревенских или городских, поймёт сердце песка, душу недопёска? Даже и в собачьей душе мы только чуть научились читать, а о песках и ведать не ведаем. Есть, конечно, десяток на земле знатоков, которые расскажут о песках. Но что скажут они о душе песка, не того, что бродит по белым пустыням тундры, а вот этого – искусственного, платинового, выведенного в клетке! Что там бьётся у него в груди – сердце или моторчик, заведённый на время человеком?

Не видно в платиновом Наполеоне сходства с его свободными родственниками, и не слишком похож он на придуманного плотником английского шпица.

Более всего схож Наполеон с тюфячком на коротких ножках. И вся душа его ушла, наверно, в этот густой теплейший мех, в этот красивый волос? А сердце бьётся лишь для того, чтобы волос становился всё длиннее и краше.

Наполеон спешил. Ему казалось, ещё немного, и он убежит от верёвки. А дошкольник старался так поспевать, чтоб верёвка не резала песцу шею.

«Мы бежим на полюс! – думал дошкольник Серпокровов. – А куда же иначе нам бежать? Вперёд! Я там давно хотел побывать!»

Позвякивая боевыми наградами, бежал дошкольник Алексей Серпокровов через деревню Ковылкино вслед за недопёском Наполеоном Третьим.

С каждым шагом увеличивалось на его груди количество орденов и всё ближе был Северный полюс.

Колёса, которые видит старик Карасёв

Настало наконец-таки время поговорить о старике Карасёве, о ковылкинском человеке с небритою бородой и носом кисельного цвета.

Старики такие есть во всех деревнях. Они сторожат колхозные сады, подшивают валенки. Этими делами занимался и старик Карасёв – и сад стерёг, и валенки подшивал. Короче, это был обычный старик, и только одна черта отличала его ото всех других стариков.

Старик Карасёв был колдун.

Впрочем, разобраться в этом деле – умеет Карасёв колдовать или нет – никто толком не мог.

Печник Волопасов спросил как-то:

– Ну что, дедок, ты вправду, что ль, колдовать умеешь?

– Колдуем помаленьку, – ответил на это старик Карасёв.

– Да ладно врать-то, – сказал печник.

Карасёв равнодушно улыбнулся и вдруг глянул на печника через левое плечо. Волопасов вздрогнул и отошёл в сторону сельсовета. А на другой день на шее у него выросла болячка.

С каждым днём болячка разрасталась, и жена Волопасова уговаривала его пойти к старику повиниться.

– Против колдовства имеется наука! – возражал Волопасов.

Он купил йоду и стал смазывать им болячку. Научное лекарство вступило в борьбу с колдовской болячкой и в конце концов, конечно, победило.

Но не болячками удивлял старик Карасёв белый свет. Главная сила его заключалась в другом: старик Карасёв видел колёса!

Что это за колёса, Карасёв и сам толком объяснить не мог. Но, по словам его, получалось, что возле каждого человека имеется в воздухе какое-то цветное колесо. Вроде радуги. Да только колесо это не всякому дано увидеть.

Например: плотник Меринов никаких колёс не видит, и слесарь Серпокрылов не видит, да и вообще никто не видит. А вот старик Карасёв видит.

В тот день, когда появился в Ковылкине Наполеон, Карасёв сидел на лавочке у калитки, а соседка Нефёдова шла из магазина и присела передохнуть.

– Куда ты столько хлеба набрала? – сказал Карасёв. – Десять кирпичей!

– Как это куда! – закричала в ответ Нефёдова и принялась считать, сколько у неё в доме народу, да куры, да корова, да поросята, да праздники впереди. Своими крикливыми подсчётами она оглушила старика на оба уха, потом перевела дух и решила поболтать о колёсах. – Неуж всё-таки вправду бывают колёса вокруг людей?

– А как же, – ответил Карасёв. – Обязательно бывают.

– И ты видишь это?

– А как же мне не видеть-то их, если они видны, – возразил старик.

– Ну, а вокруг меня есть такое колесо?

– Виднеется, – подтвердил Карасёв. – Да только не слишком уж большое.

– Что уж, совсем, что ли, маленькое? – спросила Нефёдова чуть огорчённо.

– Ну, как тебе сказать, – ответил Карасёв, закуривая сигарку, – сантиметра на четыре.

– И какого ж оно цвета?

Тут старик Карасёв поглядел на соседку внимательно, выпустил в воздух дыму и сказал:

– Коричневое.

Такой цвет Нефёдову почему-то обидел.

– Старый ты пёс, – сказала она. – Напустил дыму, вот и натемнил в колесе.

– Табачный дым колёсам не помеха, – ответил старик Карасёв, равнодушно ещё раз взглянув на соседкино колесо.

– Тьфу! – плюнула Нефёдова. – У тебя небось и вовсе никакого колеса нету.

– Мне своё колесо видеть не дано.

Старик покуривал сигарку, а Нефёдова искоса взглядывала на него, прищуривалась, словно хотела разглядеть, не видно ли какого колеса. Но, кроме шапки солдатской, носа да сигарки, она не видела ничего. И на улице не видно было никаких колёс, только у дороги валялась, как обычно, автомобильная крышка.

На дорогу выскочила из-за угла собачка на верёвке, а за нею бежал дошкольник Серпокрылов.

– Смотри-ка, дед, вон мальчишка слесарев бежит. Неуж и вокруг него есть чего-то?

– А... это Лёшка Серпокрылов. Вокруг него радуга васильковая с розовым разводом.

– И вокруг собаки есть?

– Ну нет, – сказал Карасёв. – Вокруг собак не бывает... Они их видят, а сами не имеют. Постой, постой... Что за оказия? Вроде что-то намечается синеватое! Да это не собака!

Старик Карасёв разволновался, достал из кармана очки.

– Эй, Лёшка, подь-ка сюда!

– Некогда, дедушка Карасёв! – крикнул в ответ Серпокрылов. – На полюс бегу! – И скрылся за углом.

– Странное дело, – взволнованно рассуждал старик Карасёв. – Вокруг собак никогда не бывает, а тут что-то синеватое.

Пока старик рассуждал, на улице появился новый человек.

В шапке «пирожок», в овчинном полушубке романовской дубки, он быстро шагал, почти бежал по улице. В руках он держал толстую палку, окованную полосовой сталью, а на спине его подпрыгивал зелёный, через плечо на ремне, сундучок.

– Это что за человек? – спросила Нефёдова. – Какое вокруг него будет колесо?

– Тьфу! – плюнул старик Карасёв. – Салатовое!

На севере диком

Последним уроком во втором классе был урок рисования.

Кончилась переменка. Техничка Амбарова пробежала по коридорам.

– Звонок не работает! – кричала она. – Движок барахлит. Току нету! Расходись по классам!

– Без звонка не пойдём! – кричали Белов и Быкодоров из четвёртого класса.

– Дззззззз... – зазвенела Вера Меринова.

– Дзынь-трынь! Трам-блям-блям! – подхватил весь второй класс, и скоро в школе раздался такой звон, какого никогда в жизни не устроить электрическому току.

– Кончай звонить! – закричал учитель рисования Павел Сергеевич. – Готовь карандаши да альбомы!

Во втором классе очень любили рисование, и рисовали здесь отлично.

«Таланты! – говорил о них Павел Сергеевич. – Петровы-Водкины!»

Уроки свои Павел Сергеевич начинал обычно с какого-нибудь фокуса. Вдруг доставал из кармана огромный гипсовый нос или приносил в рюкзаке лошадиный череп. Сегодня он пришёл с пустыми руками, и напрасно таланты глядели с надеждой на учительские карманы. Карманы не оттопыривались, гипсовый нос оттуда не высывался.

Павел Сергеевич прошёлся по классу, остановился у окна.

– Сколько снега навалило, – сказал он. – Скоро настоящая зима.

Ребята поглядели в окно на старые берёзы, присыпанные снегом. Чёрные грачиные гнёзда на берёзах накрылись белыми колпаками.

– Видите за фермой сосну? – спросил Павел Сергеевич.

– Видим, видим! – закричал хорошист Миша Чашин.

– Посмотрите на неё хорошенько, – попросил Павел Сергеевич.

Ребята с любопытством принялись рассматривать сосну, как будто ожидали, что Павел Сергеевич сейчас устроит с нею какой-нибудь фокус.

Но Павел Сергеевич ничего не устраивал, а сосна стояла не шевелясь, подпирала мудрой головой серое ковылкинское небо.

Эта сосна была знаменита. Ни в деревнях, ни в окрестных лесах не было дерева выше ковылкинской сосны, а медовый её ствол был толще самой огромной бочки. Старики говорили, что сосна заколдована. В неё ни разу не попала молния. Другие, мелкие деревья июльские грозы крошили каждый год, а сосну обходили стороной.

– Это очень старая сосна, – сказал Павел Сергеевич. – И вот каждое утро, по дороге в школу, я думаю, что это про неё написал Лермонтов стихотворение... Послушайте.

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим,
Как ризой, одета она.
И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горячем

Прекрасная пальма растёт.

Ребята помолчали, обдумывая стихотворение, а потом сразу стали спорить, про какую это сосну написано.

– Да не про нашу это!

– Про нашу! Про нашу!

– Погодите, – сказал Павел Сергеевич. – Давайте по порядку. Миша Чашин!

Второклассники замолчали. Хорошист Миша Чашин пользовался в классе авторитетом. Его уважали.

– Это не про нашу, – сказал Миша Чашин. – Нету горной вершины. Почему ничего не сказано про ферму, а ведь она под сосной?

Миша Чашин сел на место, и слово взял Коля Калинин.

– Горной вершины нет, зато есть бугорок, – сказал он. – Но дело не в этом. Стихотворение про сосну, которая стоит одиноко. Значит, и про нашу. Значит, это наша сосна спит и видит пальму.

– Пальму Меринову, – сказал Миша Чашин и засмеялся.

– Кокосовую! – закричал Коля Калинин. – Не тебя же во сне видеть!

– Спокойно! – сказал Павел Сергеевич. – Калинин, сядь. Говори, Вера.

– Это написано не про сосну, – сказала неожиданно Вера, – а про одинокого человека.

Он стоит, и ему печально.

– Ну сказанула!

– Тогда б так и было написано: на голой вершине стоит человек!

– Ну ладно, – сказал Павел Сергеевич. – Хватит кричать. Я согласен с Верой. Поэт пишет стихотворение о сосне, а сам думает, конечно, о своей судьбе, о других людях. Мы читаем и тоже задумываемся о себе и о других. Вот так. Ну, начали рисовать.

– Чего рисовать?

– Как чего? Сосну, пальму, всё, о чём написал Лермонтов.

– Вот это задание!

– Давайте лучше гипсовый нос!

Ребята задумались, стали вспоминать, как выглядит пальма. Только лишь Коля Калинин немедленно кинулся в бой.

– Во – сосна! – шептал он. – А во – пальма! Во – песок! Во – скала!

– Не спеши, – сказал ему Павел Сергеевич. – Продумай композицию.

Коля остановился на минутку и тут же снова зашептал:

– Во – снег идёт! Прямо на ветки! Прямо на ветки! Во – гора! Во – ферма под горой, коровы, куры! Во – школа!

– Вера Меринова пойдёт к доске рисовать цветными мелками.

– Повезло, повезло Верке, – бормотал Коля. – Во – лошадка везёт сено. На возу мой папаня.

Тихо стало в классе. Слышался только приятный шорох карандашей да стук мела по грифельной доске.

Синяя северная гора, изрезанная скалами, изрытая пещерами, охватила полдоски, красным мелом наметила Вера сосновый ствол. Горел огненный ствол, оранжевые ветки уползали вверх и добирались чуть ли не до портрета знаменитого химика Менделеева, который висел над доскою. На верхушке, там, где у сосны голова, нарисовала Вера кружок, а в нём – песок, песок, горячий утёс, одинокую пальму. И так уж получилось, что листья её были похожи на уши Пальмы Мериновой.

– Хорошо, – похвалил Павел Сергеевич. – А это кто такой под сосною?

– Песец, – ответила Вера. – Северный зверь.

– Очень хорошо, – подтвердил Павел Сергеевич.

Вера почти закончила рисунок и решила ещё разок глянуть на ковылкинскую сосну. Она подошла к окну, и тут же всё смешалось у неё в глазах.

За школьным забором бежал по улице Лёшка Серпокрылов, а перед ним на верёвке – Тишка, песец, северный зверь. Заприметив в окошке Веру, дошкольник остановился, поднял водопроводную винтовку, прицелился и, конечно, попал в самое сердце. Песец дёрнул верёвку – дошкольник состроил нехорошую рожу и скрылся из глаз.

Из-за поворота тем временем появился новый человек – в овчинном полушубке, с зелёным сундучком на плече. Вера не видела его. Она так разволновалась, что еле дотянула рисунок до конца.

Павел Сергеевич поставил ей пятёрку, посадил на место.

Тысячи мыслей проносились в голове Веры Мариновой, и из всех мыслей она выбрала одну, самую верную.

Вера написала записку и перекинула её Коле Калинин:

«Готовься! Будет дело!»

К чему надо готовиться, Коля не понял и, какое будет дело, не знал, но все последние пять минут сидел как на иголках и готовился к делу.

«Будь спокойна, Вера, – думал он. – Я готовлюсь!»

Приключения на Северном полюсе

К этому моменту погоны на плечах дошкольника Серпокрылова выросли уже до каких-то ненормальных размеров. Куда больше на них сверкало звёзд, чем в созвездии Ориона, и установить армейский чин дошкольника было трудно. Получалось что-то вроде супергенералиссимуса.

Вслед за песцом дошкольник пробежал через всю деревню. Верёвку он старался не натягивать, и Наполеону почудилось даже, что он вновь свободен, а маленький человечек просто бежит за ним на правах Сто шестнадцатого.

На бугре под ковылкинской сосной Наполеон остановился, оглянулся на дошкольника. Нет, не был похож дошкольник на Сто шестнадцатого, но хоть вперёд не забегал и верёвку не дёргал.

Запыхавшись немного, Лёша сопел и ласково глядел на недопёска.

С бугра от края до края видна была деревня Ковылкино. Что ж, настало время прощаться с нею.

Много здесь прожито – шесть с половиной лет, – много пережито. Всё теперь позади, а впереди долгий путь на полюс, бураны, метели, выюги.

Впереди морозы в сто градусов и отряд полярников, во главе которых начальник Серпокрылов. В меховых унтах, с пистолетом в руке.

А Верка Маринова – фельдшерица.

«Товарищ начальник, – скажет она, – разрешите залезть на айсберг».

«Ладно, лезь, да смотри не задерживайся на макушке, а то скоро задует пурга. Сама знаешь, что такое Север».

«Я мигом. Только слазию – и обратно».

И вот Верка полезла на айсберг, и тут же задула пурга.

«Сидите в красной палатке! – приказал Серпокрылов полярникам. – А я пойду спасу её».

И он быстро-быстро стал карабкаться на айсберг.

Пурга дула с нестерпимой силой, и не было ничего видно на земле, но всё же начальник заметил Верку. Полумёртвая от холода, она лежала в снегу. А над нею стоял белый медведь. Тут начальник хлоп из пистолета – медведь шмякнулся...

Тогда Серпокрылов взвалил Верку на плечи и потащил её вниз.

«Оставь меня, Лёша, – слабым голосом просила Верка. – Дай мне умереть в снегу!»

«Ни за что, – отвечал Серпокрылов. – Я спасу тебя».

«Спасайся сам, ты ещё нужен людям, а я уже не нужна».

«Мы оба нужны», – отвечал начальник и брёл в пурге, шатаясь, брёл и брёл, брёл и брёл и нёс на плечах Верку Меринову.

– Эй, малый, погоди! – услышал вдруг он.

Дошкольник оглянулся.

– Погоди, погоди, – говорил человек в овчинном полушубке, взбегая на бугор.

– Тебе чего, дядь?

– Хочешь крючок?

– Какой? – не понял Лёша.

– Рыболовный, номер пять. На окунька, подлещика. Хочешь?

– А то, – ответил дошкольник.

– Вот и хорошо. Всё путём. Насодишь кашки, а подлещик – хлям! – и болтается на крючке. Грамм на двести!

Человек в полушубке скинул с плеча сундучок и, бормоча: «Окуньки, подлещики», щёлкнул замком.

Лёша заглянул в сундучок, и сердце его восхищённо стукнуло. Золотом, серебром сияли-переливались в сундучке рыболовные драгоценности: блёсны-плотвички, перья-поплавки.

«Подлещик» же тем временем вытащил из сундучка коробку из-под монпансье, поддел крышку ногтем. Сотня самых разных крючков – стальных и латунных, гнутых и кованых – оказалась в коробке.

– Выбирай.

– А можно два?

– Бери, уж больно ты малый хороший.

Дошкольник Серпокрылов не считал себя таким уж бесконечно хорошим малым, но всё-таки выбрал крючки, снял с головы фуражку и зацепил крючки за подкладку.

– А на акулу есть? – спросил он.

– Чего на акулу?

– Крючок.

– Нету.

– Ну ладно, я побежал.

– Постой-постой! Я тебе крючки, а ты мне чего? Дай и ты мне чего-нибудь.

– Идёт, – согласился дошкольник и вынул из кармана медный предмет неясного назначения. Это был носик от чайника.

– Зачем он мне? – удивился человек в полушубке.

– А вот так, – сказал дошкольник и вдруг приляпал этот носик на свой собственный нос.

Полушубок вздрогнул. Самый настоящий чайник в офицерской фуражке глядел на него и вращал глазами, как будто собираясь закипать.

– Нет-нет, малый. Это не годится. Ты лучше дай мне собачку.

– Не могу.

– Да ведь я же совсем одинок, а собачка мне будет вечным спутником. Отдай.

– Никак не могу, – сказал дошкольник.

– Крючки взял, а собачку жалеешь. Не ожидал от тебя такого.

Человек в полушубке оглянулся и вдруг подпрыгнул на месте и схватил верёвку, за которую привязан был Наполеон.

– Отдай собачку, – неприятно зашептал он. – Это моя собачка, а не твоя!

Он рванул верёвку, изо всех сил толкнул дошкольника в грудь.

Дошкольник Серпокрылов упал в снег, теряя ордена и медали.

Бой у ковылкинской сосны

Техничка Амбарова всунулась в дверь, оглядела класс равнодушным взглядом и сказала: – Свету нету, Павел Сергеевич... Дзынь... Конец уроков...

Как ни любили ребята рисование, конец уроков они любили ещё больше. Все вскочили из-за парт, зазвонили на сто ладов.

– Беги за мной! – крикнула Вера Коле Калинину и выскочила из класса.

Коля в таких случаях долго не рассуждал. Когда ему говорили «беги за мной», его всегда охватывало волнение, он срывался с места и летел сам не зная куда. Выбежав на улицу, он с ходу обошёл на повороте Веру Меринову и ударил по снежной дороге подшитыми валенками. Только через полсотни шагов Коля остановился.

– Куда мы, Вер?

– В погоню! Серпокрылов песца увёл!

– Песца! – закричал Коля. – Ура! В погоню! Какого песца?

– Настоящего.

От таких слов у Коли голова кругом пошла, он не стал разбираться, что это за песец и откуда, он только подпрыгнул на месте, будто горячий конь ударил в землю копытом, и помчался напрямик к одинокой ковылкинской сосне, под которой маячила фигура в офицерской фуражке.

Подбежав к сосне, Коля удивился, что у дошкольника не видно никакого песца. Но, с другой стороны, он не так уж хорошо знал, на что похож настоящий песец. Да может, дошкольник его за пазухой прячет! Поэтому Коля не стал рассуждать, где у дошкольника песец – за пазухой или под шапкой.

– Ура! – закричал он. – Вот он, дошкольник Серпокрылов! Дави дошкольника!

С разгона налетел Коля на Серпокрылова, сбил в снег офицерскую фуражку. Но дошкольник был не из тех людей, которых можно было взять на ура. Он упёрся коленом в живот противника, сообразив, что наконец-то настал час, когда можно применить известный ему приём японской борьбы дзюдо.

– Стой! – закричала Вера, подбегая. – Песца замнёте!

Ей почему-то казалось, что недопёсок принимает живое участие в схватке.

Слово «замнёте» притормозило Колю Калинина. Он теперь совершенно убедился, что песец у дошкольника за пазухой. Поэтому Коля ослабил мёртвую хватку. Но дошкольник Серпокрылов точно знал, что за пазухой у него ничего нет, кроме гордого, яростного сердца. Тут Коля и попал на приём. Одним махом дошкольник перекинул его через бедро, и Коля так грянулся о землю, что вздрогнула одинокая ковылкинская сосна и увидела наконец-таки пальму на юге далёком.

Лёша поднял с земли офицерскую фуражку и сказал:

– Семь раз отмерь и лучше не отрезай.

– Я те отмерю!.. – закричал обиженный Коля, горячо поднимаясь с земли. – Я те отрежу... Я те сейчас так отрежу, что и отмеривать нечего будет!..

– А ну постой! – сказала Вера, дёрнув Колю за рукав. – Где же песец?

Большая Вера Меринова посмотрела дошкольнику Серпокрылову прямо в глаза.

Взгляда Веры Мериновой дошкольник Серпокрылов вынести не мог. Он мог сражаться с лазутчиками, мог ловить на приём Колю Калинина, спокойно мог глядеть в глаза своего папаши слесаря, но перед Верой он бледнел и терялся. Поэтому дошкольник не стал глядеть ей в глаза. Поглядел под ноги, повёл глазами по растоптанному снегу, добрался до подножия ковылкин-

ской одинокой сосны, а там по стволу, по стволу, белочкой, белочкой, всё выше и как раз добрался до небес.

– Где песец, Серпоккрылыч?

Это слово «Серпоккрылыч», такое ласковое и тревожное, разбередило сердце дошкольника.

– Ты зачем отвязал песца?

И действительно, зачем? Ну зачем отвязал он песца?

– Подражнить хотел.

– Кого?

– Тебя.

О Орион! Да что же это на свете делается? Уж и подразнить нельзя симпатичного тебе человека!

– Где песец, Серпоккрылыч?

– Дяденька отнял.

Сервелат

Впилась-впиявилась верёвка в шею, натянулась струной, придушила. Померк белый свет в глазах Наполеона.

– Шевелись, шевелись, собачка, – торопил человек в полушубке, тянул изо всех сил за верёвку к лесу, к оврагу, тому самому, из которого выливается на небо Млечный Путь – молочная дорога.

Наполеон пробовал упираться, но верёвка так схватила за горло, что ноги подкосились. Он еле поднялся и, спотыкаясь, поспешил к оврагу, куда тянула верёвка. То рысью, то галопом бежал человек, а то тормозил, как бы делая вид, что он просто с собачкой прогуливается. Страшная палка, окованная полосовой сталью, тяжело лежала на его плече, а на спине подскакивал зелёный сундучок, бренькали в нём блёсны, крючки и коробочки.

Ковылкинский овраг глубоко разрезал землю. Склоны его сплошь заросли глухой бузиной, одичавшей малиной, завалены были истлевшим хворостом, который вяло трещал под ногами.

У бузиновых кустов верёвка ослабла. Наполеон ткнулся в бурелом, пытаясь спрятаться.

– Сейчас-сейчас, – сказал полушубок. – Сейчас всё будет в порядке. Я тебе колбаски дам.

Он резко дёрнул верёвку, поволок недопёска вниз по склону.

На дне оврага чернел в снегу старый колодец. Брёвна, из которых сложен был его сруб, давно сгнили, обросли грибами, похожими на оранжевые копыта.

– Уфуфу! – вздохнул наконец полушубок, захлестнул Наполеонову верёвку за скобу, вколоченную в брёвна. – Ну вот и всё путём. Сейчас будем колбаску есть. Хорошая колбаска, ну прямо сервелат.

Он открыл сундучок и вынул из него газетный свёрток.

– На-ка, – сказал он и бросил Наполеону колёсико колбасы с напухшим на нём маслом и крошками хлеба, а сам принялся жевать бутерброд. Белый его нос выглядывал из-под шапки и внимательно шевелился, как бы следя и за Наполеоном, и за поеданием бутерброда.

Недопёсок тяжело дышал. Очень болела шея, нарезанная верёвкой.

Он лёг в снег, закрыл глаза.

– Ешь колбаску. Будь культурным зверьком. Все, кто нас увидит, так и подумают: культурный человек кормит свою собачку. Никто не догадается, что и человек-то я не очень культурный, а собачка – не собачка вовсе, а Наполеон!

Тут засмеялся человек, и действительно некультурно как-то засмеялся. От смеха вылетели из-под носа хлебные крошки.

– То-то бабы в автобусе болтают: Наполеон, мол, сбежал. Редкий зверёк, мех золотой, государственного значения. А он, глядь, Наполеон, – вот он, в овражке сидит. Ху-ху! Сейчас мы поиграем в игру. Ты будешь Наполеон, а я Кутузов. И зовут меня как раз дядя Миша.

Он дожевал бутерброд, поднял с земли палку, окованную полосовой сталью.

– А то жена говорит, – толковал он Наполеону. – «Ну чего ты зря на рыбалку ездишь, только деньги переводишь!» Вот я и привезу ей рыбку на воротник. Скажу: баба, ну что ты всё ругаешься? Вот тебе окунёк. Государственный окунёк. Наполеон Третий! Видишь эту палочку? – спросил дядя Миша. – Это, Наполеоша, рыбацкая пешня, которой лёд колют.

Тут он подпрыгнул и взмахнул рыбацкой пешней, Наполеон отскочил в сторону, спрятавшись за сруб колодца. Дядя Миша опустил пешню.

– Уфуфу! – вздохнул он. – Не могу, Наполеоша. Какой я всё-таки не очень хороший человек. Зверька хочу погубить из-за глупой бабы. Ну зачем ей воротник с такою рожей? Лучше уж воротник продать, а на деньги сервелат покупать...

Дядя Миша поднял пешню над головой.

– Что наша жизнь? – сказал он, подходя к Наполеону. – Сервелат!

«Всё путём»

Исподлобья, из-под круглых бровей глядел недопёсок на скачущего и бормочущего дядю Мишу. Трудно сказать, понимал он или не понимал, что задумал дядя Миша, но только больше Наполеон не прятался, а просто стоял и снизу вверх глядел на человека. Почему-то Наполеон успокоился, в глазах его мелькнуло действительно что-то императорское.

Он глядел на дядю Мишу снизу вверх, но в то же время и сверху вниз. Да он уж и не видел человека – бескрайнее снежное поле лежало перед ним.

– Не могу, – сказал дядя Миша. – Какой я всё-таки слабовольный человек. Ничего не достигну в жизни.

Он подошёл к колодцу и заглянул в затхлую глубину.

– Всё путём! – крикнул он, успокаивая сам себя. Крик его ухнул вниз, провалился, завяз где-то, и эхо не вылетело обратно. – Всё путём, всё путём... В руках у меня ценный зверёк. И никто ничего не узнает. Уфуфу...

Дядя Миша потел, в душе его происходила тяжёлая борьба, и неизвестно, в какую сторону склонилась бы чаша весов, если б стеклянно и неожиданно не прозвенел вдруг голос:

– Сюда!

– Куда? Куда? – заволновался дядя Миша. – Куда это сюда? Ну, не сюда же!

– Заходите с флангов! – закричал в бузине и другой голос. – Возьмём их в клещи!

Послышался треск валежника. На склон оврага, будто танкетка, выкатился человек в офицерской фуражке:

– Огонь!

Он выхватил из кармана не то пистолет, не то гранату, прицелился, и – свись! – свистнула над головой дяди Миши – что ж это, неужели пуля?

– Озоровать! – нехорошим голосом закричал дядя Миша. – Я те уши пооборву! Спрячь рогульку!

Но в это время на другом склоне завыл миномёт, и коровья бомба повисла над дядей Мишей.

– Крой беглым!

И тут действительно беглым стали крыть дядю Мишу. Небо над его головой наполнилось комьями, палками, и особенно неприятен был изжёванный кем-то ботинок, который, квакая, ударил прямо в грудь.

– Прекратить огонь! – послышался голос.

Прямо к колодезю из кустов выбежала девочка и отвязала Наполеона.

– Нехорошо, гражданин, – сказала она. – Стыдно!

– Ты что это? Нет, постой. Кто тебе разрешил? Это мой зверёк!

– Артиллерия, огонь!

– Отставить!

Цепляясь за ветки бузины, в овраг спустился Павел Сергеевич. Глаза его по-учительски блистали, а на плече висело дуствольное ружьё – Зауэр «Три кольца».

– Не трогай мою собачку! – закричал дядя Миша. – Это моя собачка, я её дрессировать буду – на лапках ходить, в барабан стучать.

– Отпустите верёвку! – строго сказал Павел Сергеевич и сдёнул с плеча ружьё.

– Это что же такое! – засуетился дядя Миша. – Вооружённым конфликтом пахнет.

– Пойдёмте в сельсовет, гражданин.

– Что вы! Что вы, молодой человек! Всё путём! Берите вашу проклятую собачку!

Дядя Миша подхватил сундучок и побежал, побежал по оврагу в сторону.

– Стреляйте, Пал Сергеич! Стреляйте, а то уйдёт!

Павел Сергеевич не стал долго рассуждать, он поднял ружьё вверх стволами и пальнул вдогонку. Грозно, назидательно прозвучал учительский выстрел. В душе дяди Миши что-то оборвалось раз и навсегда.

Бег на северный полюс

Странно подействовал выстрел на старый колодец. Дремавший последние двадцать лет колодец вдруг ожил, ворчливо буркнул: «Всё путём» – и после этого заглох навсегда.

Дошкольник Серпокрылов и Коля скатились тем временем к месту происшествия.

– Во чудо-то! – восхищался Коля, хлопая себя восторженно по бокам. – Вот это песец! Во бы кого нарисовать!

– Красив! – соглашался учитель. – Удивительный мех. Давайте отведём его в школу.

– Тиша, вставай! – сказала Вера и дёрнула верёвку.

И тут спасённый Наполеон должен был, конечно, встать, улыбнуться, но вместо этого он злобно оскалится, будто сроду не был знаком с Верой Мериновой.

– Тиш, Тиш, ты чего?

– «Тиша»! – презрительно фыркнул дошкольник. – Его звать Филька.

– Не Филька, а Тиша, – заспорила Вера. – Тоже мне придумал.

Серпокрылов уважал Веру Меринову и мог без конца снимать её с айсберга и носить на руках. Но когда его задевали за живое, он становился упрям как бык. Поэтому пару минут у колодца только и слышно было: «Тиша... Филька... Дурак... Сейчас по шее... А ну, попробуй... Сейчас попробую... Ну, пробуй, пробуй, что ж стоишь...»

И Лёша хотел попробовать, но в дело вмешался учитель.

– Ладно вам, – сказал он. – Неважно, как его зовут. Важно другое: что с ним делать?

– В деревню отведём, – ответила Вера.

– А дальше что?

– Будет жить у меня. Я его воспитаю.

– Ишь придумала, – сказал дошкольник, как будто и не уважал никогда Веру Меринову. Он терпеть всё-таки не мог, когда его задевали за живое. – Ну, ладно, бери Фильку себе. А мы посмотрим, как ты это сделаешь.

– И возьму.

Вера решительно дёрнула верёвку. Опять померк в глазах недопёска белый свет. Он упёрся в землю короткими своими лапами, изловчился и злобно схватил верёвку зубами.

– Ну, ловко! Ай да Верка! Прямо животновод.

– Тиша, Тиша, – нежно говорила Вера, – успокойся.

Она достала из кармана конфету, осторожно протянула руку, чтобы погладить песка.
Наполеон огрызнулся – конфета упала в снег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.